

Новоахуновская сельская библиотека

библиотекарь Хайбулина Л.Ш.

«Энциклопедия безавтомобильной жизни
в русской литературе»

2020 год.

Энциклопедия безавтомобильной жизни в русской литературе

До изобретения автомобилей и повсеместного железнодорожного сообщения путешествия на дальние (и не очень) дистанции в России чаще всего совершали на конных экипажах. Энциклопедию русского безмоторного транспорта в литературе составила Софья Багдасарова.

Владимир Соллогуб в повести «Сережа» писал: «Вот мчится телега — буйная молодость русских дорог; вот переваливается бричка, как саратовский помещик после обеда; вот гордо выступает широкая карета, как какой-нибудь богатый откупщик; вот дормез, вот коляска, а за ними толстый купец-дилижанс, выпив четырнадцать чашек чаю на почтовом дворе». В России в самом деле существовало множество типов конных экипажей, которые к тому же в разных регионах изготавливали по-своему. Также они различались по

Б — Бричка

Это слово польского происхождения, оно обозначает легкую четырехколесную дорожную повозку, иногда без рессор. Кузов у брички мог быть как открытым, так и закрытым: кожаным, плетеным или деревянным.

Именно в бричке путешествовал главный герой «Мертвых душ» Николая Гоголя — Павел Иванович Чичиков. Его бричка была «довольно красивая, рессорная», да еще и с удобствами: верх кузова был «от дождя задернут кожаными занавесками с двумя круглыми окошечками, определенными на рассматривание дорожных видов». Это был вполне приличный дорожный экипаж для такого чиновника, как Чичиков, подобающий его рангу, пусть и, как сегодня сказали бы, «не представительского класса».

Возможно, поэтому многие русские классики описывали бричку как крайне шумный транспорт. Бричка Льва Толстого подпрыгивала, у Шолохова она гремела или громыхала, а Александр Серафимович писал, что «за ней покатилося нетерпимо знойно-звонящее дребезжание». Давид Бурлюк, посвящая стихи некой птичке с невыносимым голосом, сравнивал ее со старой разломанной бричкой.

В — Возок

Термин употреблялся для зимнего вида транспорта — крытой повозки на полозьях. Возок хвалят за тепло, в нем комфортно, можно ехать лежа — «валясь в возок под меховые попоны» (Амфитеатров). Он «наполнен перинами, подушками и пр.» (Виктор Шомпулев). По окнам его могли обивать медвежьим мехом, чтобы не дуло, а изнутри отделывать красным сукном или даже бархатом. У Салтыкова-Щедрина детей запихивали в возок, «как сельдей в бочонок, и при этом закутывали так, что дышать было трудно». Замерзшие на улице, они быстро согреются, потому что «через минуту нас затискают в крытый возок и так, в закупоренном виде, и доставят по назначению» («Пошехонская старина»).

Отмечают, как он легко шел по снегу. Борис Чичерин честно признается: «Когда я, разряженный, сел на возок, мне хотелось все ехать и ехать и никогда не доехать». Наконец, «Покоен, прочен и легок /На диво слаженный возок», в котором отправляется у Некрасова жена декабриста княгиня Трубецкая. Транспорт этот считался тяжелым, неуклюжим и барским, старомодным: в «боярском возке» везут провинциальную Татьяну Ларину

Д — Дормез

Словом, происходящим от французского «спать», называли большие кареты, в которых можно было вытянуться. Покупка иностранных дормезов была предметом гордости. Неслучайно Жуковский пишет на Чичерина эпиграмму: «Сибири управленьем / Мой предок славен был, / А я, судьбы веленьем, / Дормез себе купил».

Д — Дровни

Дровни — это крестьянские сани для перевозки грузов. Писатели *XIX* века сами на подобном не ездили, зато часто сажали в них персонажей из низшего сословия: вспомним пушкинское «крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь» и «везет лошадка дровеньки» из песенки про елочку. Поэтому-то в 1918 году Цветаева патетически восклицает: «Кровных коней запрягайте в дровни! / Графские вина пейте из луж!»

Д — Дрожки

Этим говорящим словом называли легкий экипаж на рессорах, который мог развивать большую скорость — и, естественно, дрожать. У Пушкина дрожки «удалые» и увозят «красоток молодых», «щегольские»; у Лермонтова — «лихие». На «щегольских дрожках» ездит неприятель Голядкина в «Двойнике» Достоевского. Звуки они издают следующие — дребезжат (Алексей Жемужников, Константин Фофанов) и гремят (Иван Никитин). Булгарин пишет, что дрожки — это «самый беспокойный экипаж в мире». «Это не экипаж, — кричали цивилизаторы, а пытка; он постыдный остаток варварства, он трясет все существо человека не хуже лихорадки», — писал Иван Кокорев в рассказе «Извозчики-лихачи и ваньки».

К — Кабриолет

Это были легкие двухколесные экипажи без козел — то есть для людей, которые хотели править самостоятельно. Экипаж этот был элегантным. Так, у Писемского «неуклюже и робко полез в довольно высокий кабриолет» персонаж по имени Елпидифор Мартыныч, чье имя сразу выдает его неуместность в щегольском транспорте.

В них хорошо было катать девушек: «Из-за леса неся к его деревенскому дому легкий кабриолет, где сидела розовенькая от воздуха и быстрой езды Груня, не без страха прижавшаяся к своему мополому другу» (Александр

Расхожее слово обозначало закрытый экипаж на четырех колесах и рессорах. Употреблялось оно достаточно широко. А порой становилось и универсальным средством спасения — «Карету мне, карету!» («Горе от ума»). У Федора Кони был водевиль «Карета, или По платью встречают, по уму провожают» о важности транспорта для престижа.

К — Кибитка.

Словом, заимствованным у кочевников, в России называли крытую повозку. Часто верх у нее был на дугах и мог откидываться — напоминая «бабушкин чепчик» (Николай Телешов). Хорошая кибитка — значит, «с просторным волчком и двойным рогожным навесом» (Иван Лажечников) или «с кожаным верхом и наглухо застегнутым фартуком» (Павел Мельников-Печерский). Именно в трясучей кибитке ехал Радищев: «Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделялся душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче».

Вяземский посвятил ей целое стихотворение, весьма злобное: «А подвижной сей каземат, /А подвижная эта пытка, /Которую зовут: кибитка». Пушкин более жизнерадостен: «Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая». С другой стороны, в своих «Дорожных жалобах» он стонет: «Долго ль мне гулять на свете /То в коляске то верхом, /То в кибитке то в карете, /То в телеге то пешком?»

Кибитка

К — Коляска.

Коляска.

В России под «колясками» понимали множество видов рессорных открытых экипажей. Например, разновидностями городской коляски были ландо и фаэтон. В Европе же, напротив, «коляской» назвали конкретный вид модного экипажа.

Коляска стала героиней одноименной повести Гоголя: владелец там хвастается, что она легка как перышко, а рессоры такие, будто «нянька вас в люльке качала». В итоге оказывается, что хвастовство пустое. Одноименное стихотворение ей посвятил Вяземский: «Несется легкая коляска, /И с ней легко несется ум». Красивая коляска — вопрос престижа: Долли Облонская и ее кучер стесняются своего старого, залатанного

сиденье во время визита в деревню Вронского

Л — Ландо.

Коляска, названная в честь немецкого города, была четырехместной, с поднимающимся верхом, который по желанию превращал ее в карету. Жуковский в «Поездке на маневры» рассказывает, как крыша как-то отказалась раскрыться: «Туда, сюда, ландо упрямя; / Он всех переупрямил дам, / Принудил их переселиться / Без церемонии в другой, / А сам отправился пустой». Красивое иностранное слово обозначало модный вид транспорта, обязательный для человека из общества. Герою Мамина-Сибиряка нужно именно ландо, чтобы «показать им всем, что и я могу ездить, как они все».

С — Сани.

Еще одно средство передвижения, надолго прописавшееся в поэзии. «И растопорщивши оглобли, сани ждут, /Когда их запрягут» (Жуковский); «К городу Рязани /Катят трое сани, /Сани развальные /Дуги расписные» (Мей). В отличие от дровней, в санях можно заметить не только крестьян. Дворяне владеют собственными санями и ездят в них, улегшись поудобнее и закутавшись в теплые полсти и одеяла.

У Плещеева в «Зимнем катанье» и у других авторов их кроют ковром. В «Женитьбе» Гоголя в роспись приданого входят дрожки и «сани парные с резьбой, под большой ковер и под малый». У Николая Телешова упоминаются сани «с ковровым задком и мягким сиденьем». Обильно употребляется поговорка «Не в свои сани не садись».

Сани были древнейшей повозкой, развившейся из первоначальной волокуши и употреблявшейся не только в странах северных, но и в южных, например, в Египте. Многие народы, знавшие уже колёсную повозку, по обычаю пользовались санями в похоронном обряде (Древний Египет, Древняя Русь и др.).

В допетровской Руси вследствие неудовлетворительности дорог и улиц, а также сравнительной дешевизны саней они были наиболее распространёнными даже в летнее время. В болотистых и лесистых местах Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Костромской губерний сани употреблялись летом до начала XX века. В Древней Руси езда на санях считалась более почётной, чем на колёсах, отчего сани употреблялись при всех торжественных случаях, особенно высшими духовными лицами, предпочитавшими их и летом до конца XVII века. Старинные сани имели вид лодки с краями, загнутыми спереди и сзади, или длинного ящика, суживающегося спереди, в котором можно было лежать. В них обычно запрягали одну лошадь, верхом на которой сидел кучер. У знатных бояр и особенно у великих князей и царей сани отличались богатым убранством; царские сани могли стоить 200—300 руб. Ездили в них обыкновенно по одному, редко по два человека, но, например, при выездах царя Алексея Михайловича в сани стоя помещалось два боярина на запятках и два стольника у царских ног, на специально сделанных уступах («полках»). А первые сани в России появились на Северном Урале и в торфяниках

довольно простым и представляло из себя две связанные жерди, где передние концы привязывались к лошади или собаке, а задние концы волочились по земле. Такая простая и гениальная конструкция легла в основу современных саней, т.е за 2 тысячи лет принцип саней не изменился.

Название "сани" это исконно русское слово, хотя встречались и названия: возила, дровни, каптана и избушка, но закрепилось как "сани".

Находки в Египте говорят, что сани не всегда использовались для передвижения по снегу. Распространенным двигателем таких саней от древнего Египта до России выступало какое либо

полу или распространение сани с парусом и применялись они прежде всего зимой для передвижение по льду, замерзшим озерам.

На фото слева, как видно по надписи: Крепость зимой, близ Петербурга.

Но и до наших дней дошли сани с парусом, конечно же не как средство доставки груза и передвижения, а скорее наверное как вид спорта или способ зимнего досуга и развлечения.

Женские сани, одинаковые по форме с мужскими, были немного шире и снабжались по сторонам жердями, на которые навешивалось сукно; таким образом сани закрывались и сверху, и с боков. Особенное значение в смысле обрядности придавали саням при бракосочетании и при похоронах. В первом случае для невесты предлагались самые нарядные сани, покрытые атласом, бархатом, богатыми коврами, причём соответственно украшалась и упряжь. Невеста ехала в церкви со свечами, державшими над

